ББК 87.6
К 906

Утверждено к печати Ученым советом Сибирского филиала Российского института культурологии Министерства культуры Российской Федерации

Культурологические исследования в Сибири. - Омск: Издательство ОмГПУ, 1999. - Вып. 1. - 178 с.

ISBN 5-8268-0329-0

Данный альманах является научным изданием и включает в себя публикации сибирских ученых по актуальным вопросам культурологии. Статьи и сообщения охватывают как проблемы методологии и теории, так и результаты конкретных культурологических исследований. В альманахе помещена также информация о проведенных сибирскими учреждениями научно-организационных мероприятиях по проблемам культуры.

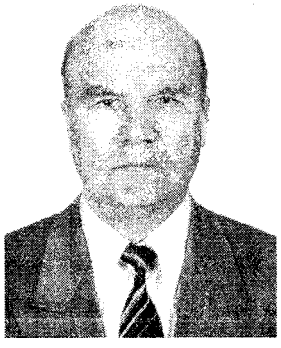
Альманах рассчитан на культурологов, историков, этнографов, искусствоведов, музееведов и всех, кто интересуется проблемами культуры.

Редакционная коллегия:
акад. АГН и АСН, чл.-корр. РАЕН, проф., д-р ист. наук Н.А. Томилов (главный редактор); чл.-корр. АМОК, доц. Н.М. Генова (зам. главного редактора); доц., канд. ист. наук Д.П. Синельников (зам. главного редактора); чл.-корр. АГН, доц., канд. ист. наук Д.А. Алисов (отв. редактор); канд. ист. наук С.А. Рублевская (отв. редактор); чл.-корр. МАНВШ, проф., д-р ист. наук М.Е. Бударин; доц., канд. ист. наук П.П. Вибе; доц., канд. педаг. наук Г.Г. Волощенко; проф., канд. ист. наук Б.А. Коников; канд. ист. наук С.Н. Корусенко; д-р ист. наук Н.В. Кочешков; проф., д-р ист. наук С.А. Красильников; проф., д-р ист. наук В.М. Кулемзин; проф., д-р философ. наук Л.А. Мясникова; проф., канд. ист. наук В.Ш. Назимова; проф., д-р искусствоведения К.Э. Разлогов; проф., д-р ист. наук А.В. Ремнев; доц., канд. ист. наук В.Г. Рыженко; проф., д-р ист. наук В.Л. Соскин; доц., канд. ист. наук А.В. Якуб; Е.А. Студенова (секретарь); В.С. Томилова (секретарь).

Адрес редакции: 644077, г. Омск, ул. Андрианова, 28
Сибирский филиал Российского института культурологии
тел. (3812) 66-21-76, 22-46-08, факс (3812)641201

ISBN 5-8268-0329-0
© Сибирский филиал Российского института культурологии, 1999 г.
© Омский государственный университет, 1999 г.
© Омский филиал Объединенного института истории, филологии и философии, 1999 г.
© Омский государственный педагогический университет, 1999 г.

В.М. Кулемзин



ТРАДИЦИОННЫЕ КУЛЬТУРЫ СИБИРИ: НАРОДНОЕ СОЗДАНИЕ И РЫНОЧНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

В настоящее время Россия переживает излом истории; уже в который раз стоит перед дилеммой: либо идти собственным путем, либо ориентироваться на Запад, либо - на Восток. Сибирь, которая уже четыре столетия является неотделимой частью России, сложности излома всегда переживала и сейчас переживает болезненнее, чем сама Россия. Сегодня Сибирь - страна контрастов: здесь внедряют передовые технологии и сохраняются древнейшие рыболовные и звероловные ловушки, изготавливаемые на месте промысла только с помощью ножа и только из подручного материала; здесь мы наблюдаем древнейшие виды отношений к умершему и современнейшее медицинское обследование; здесь сохраняются фольклор и мифы, которые сосуществуют с научными знаниями о строении Вселенной.

Однако еще нет полной ясности и понимания сложного вопроса: почему одни элементы традиционной культуры продолжают сохраняться в неизменном виде, а другие бесследно исчезли; почему одни трансформируются и образуют новое качество, а другие исчезают уже при некотором изменении количественной стороны?

К наиболее загадочным и непознанным явлениям следует отнести менталитет, или, иначе говоря, образ мышления, а предельно упрощая - отношение к тому или иному процессу происходящего и объяснение этого отношения. Особенно труднообъяснимыми являются те факты, которые свидетельствуют о следующем.

В целом ряде случаев отношение к явлениям, процессам устойчиво сохраняется, хотя породившие это отношение условия давным-давно исчезли и, наоборот, в культуре иногда формируются новые отношения, хотя никаких даже слабо выраженных признаков уловить нельзя.

Проводя в различных регионах Сибири исследования, мне лично приходилось сталкиваться с весьма любопытными вещами. Вот некоторые примеры. В 1950-х гг. потомок так называемого ясачного населения зарывает в землю вырученные от продажи меда деньги. Увы, это не про черный день: старик именно таким образом "делает" себя бедным, как все живущие в его деревне; он не хочет выделяться из "общины", он хочет быть наравне с другими. Общинных отношений в их материализованном виде в его деревне давным-давно и след простыл.

В отдаленных местах охотничье-рыболовских культур Сибири еще до сих пор кое-где сохраняется обычай, согласно которому в зимовье все необходимое оставляют для совершенно незнакомого человека; при этом предполагается, что точно так же в другом месте оставят и для тебя. Кое-что базируется на принципах полно-

го взаимного доверия. Увы, само полное взаимное доверие как регулятор социальных отношений давно разрушено и деформировано до неузнаваемости.

Юганский хант Федор Немчинов (случай был в 1974 г.), изготовив по всем правилам долбленую лодку и получив от русского заказчика деньги, все эти деньги раздал детям, которые хотели попасть в кино, но не смогли купить входного билета в сельский клуб. Следует иметь в виду, что этот случай имел место в поселке нефтяников Новый Васюган, где о следах традиционных отношений могли вспомнить лишь седовласые старцы, а русские рабочие являлись носителями совсем других отношений.

В 1969 г. некоторые молодые ханты (подростки) отказались от участия в традиционных видах промысла, что во многих случаях привело к семейному конфликту. Профессиональный долг, да и просто любопытство обязывали меня взглянуть на это явление неформально. Оказалось, что и в эти глухие охотничьи места (пос. Корлики) каким-то образом просачивались слухи о возможности проводить жизнь не обязательно в культуре трудовой деятельности, а в культуре разгула и досуга. Любопытно, что в те времена отсутствовал какой-либо транспорт, не было тогда ни радио, ни телевидения. Контакты с русским населением являлись редкими, случайными и эпизодическими.

Вспомним некоторые фрагменты исторического прошлого. Коренное охотничье население Сибири, как известно, положительно отнеслось (во всяком случае, не противодействовало) к дотоле неизвестному производящему типу хозяйства (скотоводству, земледелию). Во многих случаях формировался своеобразный комплексный тип хозяйства, в некоторых случаях коренное население полностью переходило на оседлость, занимаясь земледелием и разведением скота. Однако изменение типа хозяйственной деятельности не привело к исчезновению древних традиционных представлений, регулирующих отношение к природе. Они выражались в различного рода запретах: не шуметь в лесу, не перегораживать реку, не селиться близ облюбованного зверями места, не прокладывать торных троп и многих других. Ясно, что подобное отношение являлось тормозом на пути к хозяйственному освоению Сибири. Такое отношение было нейтрализовано обращением инородческого населения в христианство. Однако цели достигнуты были далеко не сразу и даже в советский период истории, в период господства материалистического мировоззрения традиционные представления продолжали в ряде случаев играть роль регуляторов различного рода отношений: человек-вещь, человек-общество, человек-природа. Если посмотреть на подобные примеры более пристально, то нельзя не отметить, что менталитет хотя и базируется на верованиях, морали, обычном праве, но имеет определенное самостоятельное существование, являясь весьма консервативным элементом культуры. Следует, однако, разобраться, в каких случаях он обнаруживает устойчивость, а в каких - изменчивость.

Не случайно мировоззрение в современной науке не сводимо ни к одной форме общественного создания; оно представляет собой совокупность представлений о мире. Можно было бы говорить о чисто теоретическом значении поднятого вопроса, если бы не его практическая актуальность.

Как известно, коренные народы Сибири были втянуты в рыночные отношения без преувеличения в одночасье. Спустя некоторое время появились первые социологические и социоэтнографические исследования, которые дают довольно полное представление о падении интереса к рыночным отношениям, а во многих случаях - о причинах полного разочарования. Если предельно обобщить имеющиеся на сегодняшний день данные, то применительно к нашей теме можно было бы отметить следующее. Менталитет, или, проще говоря, народное создание, еще в меньшей степени, чем современная наука, обладает способностью прогнозирования. Идея рыночных отношений казалась привлекательной, поскольку сулила реализацию личных планов уже в ближайшее время. Практически выглядело все иначе. Реализация личных планов предполагает предприимчивость, индивидуализм, а как раз все эти качества и оказались отягощенными традицией. Один из исследователей, кстати, хант по национальности, из г. Салехарда сформулировал отношение большинства хантов к принципам рынка предельно точно и кратко: "Нам чуждо чувство лидерства, нам не нужна конкуренция. Мы все одинаково тянем невод и никто не хочет выделяться". Выяснилось, что во многих культурах основной ценностный ориентир - прибыль - несовместим с традиционным ценностным ориентиром - сохранность культуры, который предполагает сохранность человека. Кроме того, носители традиционных культур (спустя несколько лет после вхождения в рынок) не могли не обратить внимание на то обстоятельство, что рыночные отношения предполагают иное, принципиальное отличие от традиционного воспитания. Мало соответствует требованиям рынка и современное школьное образование, хотя оно в значительной мере базируется на конкурентоспособности и индивидуализме. Отсутствие чувства социальной опасности, которое выработалось у народов Крайнего Севера в условиях, когда человек не представляет опасности для другого человека, часто приводит к трагическим последствиям и также несовместимо с законами рынка.

Особенно несовместимые явления обнаружились в сфере отношений человек-вещь. По традиционным представлениям, отражающим еще древнейший языческий пласт верований, человек уравнен с вещами и даже более того - мир вещей более сакрален и сложен, чем сам человек. В таком мировоззренческом пласте человек как бы существует ради того, чтобы поддерживать многочисленные связи и отношения между вещами.

В материалистическом мировоззрении, и особенно в условиях рыночной экономики, вещь лишена символических, сакрализованных функций, она удовлетворяет в основном утилитарным требованиям. Это обстоятельство возвышает человека над миром вещей, делает его господином. В подобных условиях качество вещей регулируется конкуренцией, спросом. Народное сознание трудно смиряется с мыслью, что вещь не очеловечена, бездушна и меняет значимость в зависимости от практического применения.

Точно так же обстоит дело в сфере отношений человек-природа. Народное сознание еще нередко опирается на принципы, согласно которым лучший охотник

- это отнюдь не тот, который больше добыл рыбы, а тот, который меньше нарушил древних запретов.

Любопытно, что в некоторых местах носители традиционных культур полагают: "Пусть наша продукция уходит от нас по законам рынка, а мы хотели бы жить без них".

Вполне понятно, что поднятые вопросы требуют специальных дальнейших исследований, но уже сейчас можно сделать некоторые выводы. Вероятно, современная общая ситуация требует многообразия форм собственности, и весь комплекс вопросов, составляющих большую проблему, целесообразно решать регионально, но никак не централизованно.

Видимо, имеет смысл начинать исследования народного сознания как источника по самым различным отраслям науки. Здесь могли бы объединить свои усилия гуманитарные кафедры научных центров, музеи, краеведы-любители. Безусловно, собранные данные и их интерпретация явились бы существенной частью общего гуманитарного знания.

М.А. Жигунова

КУЛЬТУРА РУССКИХ В СИБИРИ: ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Несмотря на то, что интерес к этнической культуре русских в Сибири не ослабевает на протяжении нескольких веков, эта тема остается одной из слабоизученных. Основная часть публикаций по данной проблеме была посвящена отдельным группам русского этноса, сохранившим в силу своей замкнутости быта многие черты традиционной культуры. Большинство же русского населения не принадлежит к каким-либо этнографическим группам, хотя и обладает в силу различных обстоятельств некоторыми локальными особенностями.

По данным Всесоюзной переписи населения 1989 г., только в западносибирском регионе проживало более 12,7 млн. человек русской национальности, из них в Алтайском крае - 2470 тыс. человек, в Кемеровской области - 2870 тыс. человек, Новосибирской - 2556 тыс. человек, Омской - 1720 тыс. человек, Томской - 883 тыс. человек, Тюменской - 2248 тыс. человек.

Антропологически русские относятся к большой европеоидной расе, но существует масса типов и вариантов, образовавшихся в результате длительных миграций, ассимиляции и т.д. В Западной Сибири в русскую этническую среду вливались представители местных и других народов: татары, казахи, чуваши, коми-зыряне, украинцы, белорусы и др. Антропологи считают возможным выделение особого областного типа русского народа в Сибири с несколькими подтипами[1].

Наряду с многовековой миграционной активностью характернейшей чертой русской культуры является значительный диапазон различных форм традиционно-